

«Россия и Европа» Н.Я. Данилевского: формирование цивилизационного подхода к исследованию истории и прогнозированию будущего

Аннотация. В статье рассмотрено значение учения Н.Я. Данилевского, оказавшего сильное влияние на О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, Л.Н. Гумилева, С. Хантингтона и других философов истории и футурологов. Н.Я. Данилевский впервые ввел цивилизационный подход к исследованию истории и прогнозированию будущего. Такой органический подход является диалектическим отрицанием механистических трактовок линейного исторического развития.

Ключевые слова: цивилизация, история, ценности, культура, культурный империализм, унификация, разнообразие.

В 1871 году в работе «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский впервые представил цивилизационный подход к изучению истории, который позднее был разработан О. Шпенглером, А.Я. Тойнби, Л.Н. Гумилевым, С. Хантингтоном. В понимании Данилевского цивилизация представляет собой концепцию, более обширную, чем наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и социальное развитие, взятое отдельно; и цивилизация делает все это само по себе [2, с. 157].

В середине XX века британский философ истории А. Дж. Тойнби предупредил, что тезис о «единстве цивилизации» на основе западного общества – это ложная концепция, которая имеет одно неправильное предположение – понятие прямого развития. Он сравнил этот взгляд с метафорой волшебного стебля бобов, который ударил по земле и вырос вверх, не давая побегов, пока не попадает в небо [5, с. 91]. По словам Тойнби, одной из причин, породивших эту ошибку, является то, что, во-первых, западные историки смешивают объединение с единством и, во-вторых, западная цивилизация распространила свою экономическую систему по всему миру. И, следуя экономическому объединению, основанному на западном фундаменте, последовало политическое объединение, которое имеет ту же основу и пошло почти так далеко [5, с. 86-87].

Тойнби настаивал на том, что цивилизации не являются статическими формациями, а динамическими образованиями эволюционного типа. Они не только не могут оставаться в покое, но и не могут произвольно изменить свое направление, как если бы они двигались по улице с односторонним движением [6, с. 93]. Это утверждение созвучно убеждению с Н.Я. Данилевского и состоит в том, что каждая историческая национальность имеет свою задачу, которую она должна решить, свою идею, свою индивидуальную сторону жизни, которую она стремится реализовать [2, с. 36]. Данилевский привел

удивительно точную метафору, которая демонстрирует опасность попытки создать единую «универсальную» цивилизацию: «...оказывается, что отношение гражданина к универсалу вовсе не похоже на узкие внутренние дворы и клетки, окружающие обширные и их можно сравнить с пересекающимися улицами и их пересечениями, образующими площадь, которая по отношению к каждой улице является лишь ее частью и в равной степени относится ко всем улицам. Чтобы способствовать развитию города, представляющего человечность в нашей похоже, ничего не остается, как восстановить свою улицу в соответствии с вашим собственным планом, вместо того, чтобы переполняться в общую зону и не заниматься продолжением чужой улицы (план и характер зданий известен только его первому жителю, имеющие все, что необходимо для продолжения структуры) и поэтому не лишают город соответствующего разнообразия и распределения по всем направлениям »[2, с. 150].

Шпенглер, откровенно и презрительно сравнивая понятие линейной истории с ленточным червем, неустанно откладывая эпоху за эпоху, после того, как Данилевский увидел в мировой истории картину вечной трансформации, формирования и нарушения органических форм. Размышляя над эгоцентрической иллюзией в западном сознании, Тойнби заявил, что западные историки игнорируют этапы или главы истории других цивилизаций, если они не вписываются в их общую концепцию, опуская их как «полуварварские» или «распадающиеся» или ссылающиеся их на Восток, который фактически был исключен из истории цивилизации.

Н.Я. Данилевский также указал на роль курьера, который Европа представляет России в всемирно-историческом театре: быть носителем и распространителем европейской цивилизации на Востоке: «Центральная Азия – это ваше место, <...> мы не можем быть там, где есть ваша священная историческая миссия, – это то, что говорит Европа, и для этого тоже наши европейцы» [2, с. 79]. Данилевский правильно определил устремления и чаяния западной цивилизации: «Несомненно, универсальная цивилизация, если бы только европейская действительно была единственно возможной цивилизацией для всего человечества, выиграла бы неизмеримо, если бы вместо славянского королевства и славянских народов, которые сейчас оккупируют Россию, он был пустым здесь пространством, через которое некоторые дикари иногда блуждали» [2, с. 80].

В нынешней ситуации мировой турбулентности важнейшее положение Н.Я. Данилевский о тех трех исторических ролях, которые могут выпасть на долю народа: либо положительная деятельность оригинального культурно-исторического типа; или деструктивная деятельность так называемых бедствий Бога, дряхлых цивилизаций, которые томятся в агонии; или служить целям других как этнографический материал [2, с. 112].

Это требует тщательного изучения законов исторического развития, сформулированных нашим известным соотечественником в результате группировки его явлений по культурно-историческим типам.

Закон 1. Каждое племя или семейство народов, характеризующиеся отдельным языком или группой языков, которые достаточно близки друг к другу, так что их близость ощущается непосредственно, без глубоких филологических исследований, представляет собой оригинальный культурно-исторический тип, если вообще он способен к историческому развитию и вышел из детства.

Закон 2. Чтобы цивилизация, характерная для оригинального культурного и исторического типа, могла возникнуть и развиваться, необходимо, чтобы принадлежащие ей народы пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начало цивилизации одного культурно-исторического типа не передается народам другого типа. Каждый тип развивает их для себя с большим или меньшим влиянием предшествующих или современных цивилизаций, чуждых ему.

Закон 4. Цивилизация, присущая каждому культурно-историческому типу, затем достигает полноты, многообразия и богатства, когда этнографические элементы, его компоненты разнообразны – когда они не поглощаются одним политическим лицом, используя независимость, представляют собой федерацию или политическую систему государств.

Закон 5. Прогресс развития культурных и исторических типов наиболее близко приближается к тем многолетним растениям с одним растением, в которых период роста бесконечно продлен, но период цветения и плодоношения относительно короткий и истощается один раз и всю свою жизненную силу [2, с. 113-114].

В каждой культуре преобладает собственная система ценностей, которая, в свою очередь, состоит из гетерогенных, часто антагонистических элементов. Сравнение культур осуществляется Данилевским в ряду сравнения их стоимостных комплексов.

Три типа различий в характере народов, которые, по его мнению, должны основываться на различии в самих цивилизациях, также актуальны и указаны Данилевским:

1) этнографические – это племенные качества, которые выражаются в особенностях ментальной структуры народов;

2) различия между ведущим или высшим моральным принципом, на котором может основываться только плодотворное развитие цивилизаций как со стороны научного и художественного, так и социально-политического порядка;

3) различия в курсе и условиях исторического воспитания народов [2, с. 209].

Выявляя нравственный этнографический знак народа, выступая в качестве выражения существенной особенности всей его психической системы,

Данилевский пришел к выводу, что общая черта, присущая всем народам романо-германского типа, – это насилие – развитое чувство личности, индивидуальность, мысли, его интерес настолько высок, что любой другой интерес должен быть дан ему, будь то по воле или по рабству. Такое навязывание своих мыслей о других, такое подчинение своим интересам даже не кажется с точки зрения гипертрофированного индивидуализма, гипертрофированной самооценки чем-то несправедливым. Он представлен как естественное подчинение низшего к высшему, в некотором смысле даже как благожелательность к этому низшему [2, с. 216].

Главная особенность российской государственной системы, по словам Н.Я. Данилевский, заключается в том, что «не интересна главная весна, главная двигательная сила русского народа, но внутреннее нравственное сознание, медленно подготовленное в его духовном организме, но полностью охватывающее его, когда настало время для его внешнего практического обнаружения и реализации» [2, с. 235].

Учитывая, что духовное и политическое здоровье характеризует русский народ, Данилевский назвал европейскую жизнь болезнью русской жизни. Однако в решающие моменты, в кризисе жизни людей, на первый план выходят не деньги, не те или иные военные организации, а два моральных двигателя, благодаря которым только напряжение всех народных сил, которые все раздавливают, и ничто не может сам быть раздавленным не может. Это дисциплина и энтузиазм, или безграничная готовность к самопожертвованию [2, с. 551]. Таким образом, основные принципы исторического развития Н.Я. Данилевский назвал моральную ценность и разнообразие. Разнообразие, а не унификация: «Универсальная цивилизация не существует и не может существовать, потому что это будет только невозможная и совершенно нежелательная неполнота» [2, с. 150-151].

Значение учения Н.Я. Данилевского, оказавший сильное влияние на многих известных философов истории и футуристов, заключается в том, что он предложил органический подход к изучению истории и прогнозированию будущего, и такой подход является диалектическим отрицанием механистических интерпретаций линейного исторического развития.

Список источников и литературы

1. Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. СПб.: Юна, 1992. 457 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Ин-т рус. цивилизации; Благословение, 2011. 589 с.
3. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Айрис-пресс, 2002. 595 с.
4. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. 398 с.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. 499 с.